

ПЕЧАТЬ ЗВЕРЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Шуличенко

Печать зверя

<https://litres.ru/74239748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда собственные мысли открывают бездну внутри нас. В эти доли секунды разум становится уязвимым, и что-то ужасное выходит из глубин сознания. На безлюдных улицах восточногерманского городка люди начинают убивать себя странными, неестественными способами. Каждая смерть — без криков, без борьбы, в полной, давящей тишине. Детективу Итану Штерну предстоит столкнуться с этой разрушительной силой. Но для поиска разгадки рациональному уму сначала придется поверить в существование самого дьявола.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Илья Шуличенко

Печать зверя

Глава 1

Глава 1

г. Альтенштайн, восточная Германия

Время 04:32

Монотонное жужжание дворников нарушало тишину в салоне. Старый седан свернул с основной полосы и плавно остановился у тротуара многоквартирного дома.

Двигатель смолк вместе с поворотом ключа, но фары ещё горели, выхватывая из темноты серую морось.

Итан не спешил выходить. Он чуть сильнее сжал руль и глубоко вздохнул. Дотронулся пальцем до прикуривателя и утопил его внутрь панели. Через пятнадцать секунд раздался щелчок — прикуриватель вернулся в исходное положение. — Маленький ритуал, который помогал собраться с мыслями.

По стеклу бежали тонкие струйки воды, размывая силуэты людей снаружи. Итан выключил фары, и свет уличных фонарей мгновенно стал ярче. Он потянулся к ручке двери. Замер. Закрыв глаза. Сделал ещё один вдох — глубокий.

Оказавшись на улице, он поднял воротник куртки и направился к зданию. Лента оцепления болталась между фонарным столбом и деревом — мокрая, обвисшая. Ветер, которого не было слышно из машины, здесь, снаружи, оказался на редкость холодным для июня. Он заставлял желтую полосу вздрагивать, хлопать по металлу столба, натягиваться и снова опадать. Капли скатывались с пластика, падали в лужу, и та расходилась кругами, размывая блики ночных огней.

У подъезда уже стояли патрульные «Фольксвагены» в зеленой полицейской ливрее, с шашечками на бортах. Проболевые маячки бесшумно мигали, отсвечивая от мокрых поверхностей, ослепляя яркими и частыми пульсациями.

У периметра ограждения дежурил полицейский. Из-под капюшона торчал край козырька фуражки. Он посмотрел на Итана, а затем затянулся сигаретой. Кончик вспыхнул ярче, осветил подбородок и край губы. Потом дым вырвался из ноздрей, смешался с дождевой взвесью, и его тут же разорвало ветром.

В глубине двора монотонно гудел трансформатор. Далеко, за домами лаяли собаки. Где-то проехала машина — шелест от покрышек быстро рассеялся и исчез среди улиц чужого города.

Итан сделал еще несколько шагов и увидел распростертое на газоне тело. Мужчина лежал лицом вниз, повернув голову набок, уткнувшись щекой в траву.

Криминалисты работали молча. Молодой парень и жен-

щина — в белых комбинезонах, натянутых поверх одежды. Они двигались медленно, плавно — каждый шаг был выверен и точен, каждое движение неспешно.

Женщина стояла у ног трупа. Фотографировала. Вспышка подсвечивала мокрый газон, шнурки ботинок, край брюк. Парень работал метрах в двух от нее — ставил маркеры. Маленькие желтые таблички с номерами.

Итан молча подошёл к полицейскому, достал из куртки удостоверение, раскрыл. Коп всмотрелся в фото, кивнул:

— Проходите, господин Штерн.

— Кто вызвал?

— Соседка сверху. Услышала шум, глянула в окно, увидела мужчину. Мы приехали первыми.

— Тело не переворачивали?

— Нет. Как рану увидел, сразу бригаду вызвал. Заполнили протокол и уехали.

— Хорошо.

Итан прошёл дальше.

Мужчина лежал с открытыми глазами. Стеклянными. Зрачки смотрели в никуда. Губы чуть разомкнуты. Зубов не видно — только темнота, будто он хотел что-то сказать, но не успел.

В нескольких сантиметрах от кончиков пальцев правой руки валялся осколок бутылки. Изогнутый, острый как лезвие. Остальная часть рассыпалась на сотни мелких кусков, усеявших тротуар, словно битое зеркало.

Итан присел на корточки в паре метров от тела. Перевёл взгляд на лужу крови. Смотрел на то, как вода размывала ее края. Как красное становилось розовым, розовое — прозрачным.

Женщина с камерой поднялась, посмотрела на Итана, шагнула назад. Земля под её ногами хлюпала — вода и грязь смешивались в коричневую кашу, которая выступала от каждого шага, омывая подошву ботинок, а затем снова бесследно исчезала в траве.

Чьи-то тяжелые шаги приближались не спеша, шаркая по мокрому асфальту.

— Новенький? — раздался хриплый прокуренный голос.

Итан не поднял головы:

— Да, Итан Штерн.

— Давно не видел новых лиц.

Итан поднялся. Перед ним стоял пожилой усталый мужчина в мокрых перчатках. Его морщинистое лицо застыло без тени эмоций. Он смотрел на Итана холодным, пронзительным взглядом, изучающим каждое движение.

— Эрих Тальман. Судмедэксперт.

Итан кивнул на тело:

— Самоубийство?

Взгляд Тальмана скользнул по ране:

— Предварительно — да. Смерть от потери крови. Время — около четырёх, плюс-минус полчаса. Следов борьбы нет. Точнее скажу после вскрытия.

— Я не про то. — Итан поднял глаза. — Обычно человек не режет себе горло, если хочет умереть.

Тальман выдержал паузу:

— Вы правы. Даже с наркотиками... такое редкость.

— Что тогда?

Тальман пожал плечами:

— Не знаю. Дождёмся заключения лаборатории.

Итан кивнул и направился к подъезду. Полицейский у двери выпрямился, заведя его:

— Свидетели?

— Второй этаж, квартира пятнадцать, опрашивают.

Дверь подъезда была тяжелой, металлической, с матовыми стеклами в стальной оплетке и кнопкой домофона, тускло светящейся алым глазком.

Внутри подъезда пахло сыростью, мелом, окурками и дешёвым средством для мытья полов. Запах, который въедается в бетон на десятилетия.

Тамбура не было — Итан сразу оказался у лестничной клетки. Единственная лампа под потолком на первом этаже горела вполнакала, отбрасывая грязные жёлтые блики на растрескавшуюся штукатурку. Металлические перила, покрытые слоем коричневой краски, кое-где облупившейся до ржавчины, холодили руку. На площадке второго этажа стоял детский трёхколёсный велосипед, пристёгнутый цепью к батарее.

Дверь квартиры с мелкими царапинами вокруг замка вы-

давала свой возраст. Итан потянул ручку. На пороге его встретил сотрудник с планшетом.

— Что известно? — спросил Итан.

— Эмма Кох. Говорит: услышала звук, посмотрела в окно, увидела соседа, позвонила в полицию.

Итан прошёл в комнату. Осмотрелся. Ламинат был потёрт до матовости, местами вздут, особенно у балконной двери. Обои в мелкий цветочек. Холодильник тихо гудел из кухни. Мебель не новая, но целая — ни вырванных ручек, ни прогнувшихся полок. На тумбочке телевизор — шла какая-то передача без звука. У стены стоял простой деревянный стул. Итан взял его за спинку, поставил напротив женщины. Сел.

Секунду помолчал. Женщина не поднимала глаз.

— Фрау Кох, меня зовут Итан Штерн. Я детектив. Понимаю, вам сейчас тяжело, но расскажите, пожалуйста, что случилось.

— Я... телевизор смотрела. — Она сглотнула. Пальцы сильнее сжали край халата. — Картинка рябила, и тут — тишина. С полминуты ничего не слышала. А потом — глухой удар с улицы. Как будто... мешок упал.

Итан не перебивал. Смотрел на её пальцы, комкающие край сиреневого халата.

— Выглянула в окно. — Женщина подняла глаза впервые за весь разговор. — Увидела Томаса. Сразу позвонила в полицию.

Итан выждал несколько секунд — дал ей понять, что не

торопится, что никуда не уйдёт, пока не услышит всё.

— Фрау Кох, вы знали этого человека? — спросил он почти шёпотом.

Она кивнула:

— Томас... Из шестнадцатой. Он через стенку жил. Мы не то чтобы дружили, но... Он хороший был. — Всхлипнула, сжалась. — Тихий.

— Вы видели кого-нибудь ещё? Может, во дворе, под окнами?

Она покачала головой — движение слабое, почти незаметное, будто даже на это у неё уже не осталось сил:

— Нет. Темно было. Я только на него и смотрела. Больше никого.

Женщина снова уставилась в пол, в свои руки, в складки халата.

Итан медленно поднялся. Стул скрипнул — женщина вздрогнула, но головы не подняла.

— Спасибо, фрау Кох. Мы закончили. Если что-то ещё вспомните, дайте знать офицеру.

Итан шагнул к выходу, остановился возле полицейского с планшетом:

— Других жильцов опросили?

— Да, но никто ничего не слышал.

Итан вышел в коридор. Остановился. Посмотрел на дверь с табличкой «16», перевёл взгляд на лестничный пролёт — вниз, вверх. Ничего. Ни телевизора за дверями, ни голосов,

ни шагов.

— Шесть квартир на этаже, — тихо сказал он. — И никто ничего не слышал.

Коп пожал плечами:

— Ночь, господин Штерн. Все спали.

Двор встретил Итана всё тем же дождём — мелким, холодным.

Криминалисты ещё работали. Женщина в белом комбинезоне стояла на коленях у того места, где лежала голова, держа в руках пластиковый угольник и что-то измеряла.

Тальман стоял в стороне, у тротуара, под фонарём. Отдельно от всех.

Только когда Итан остановился в двух шагах, старый судмедэксперт перевёл на него взгляд.

— Что-то не так?

Тальман посмотрел на тело, потом снова на Итана.

— Идите сюда, — сказал он тихо.

Сплюнул в сторону, шагнул к труп. Итан — за ним. Старик опустился на корточки, взял руку трупа:

— Смотри. — Ткнул пальцем в шею. — Человек после такого живёт секунд двадцать. Когда горло режут — хватается за рану. Вот так. — Он сжал пальцы. — А этот... — Тальман усмехнулся. — Даже не дёрнулся. Руки чистые. Будто ему мозг выключили. Я такое видел разве что у крыс, когда их током по башке бьют.

Итан посмотрел на чистые пальцы трупа, на шею. Линия

разреза шла почти идеально по ходу сонной артерии, будто рука не дрогнула ни на миллиметр.

— Такое вообще бывает?

— Нет. — Тальман покачал головой. — Чисто психологически — невозможно. А твой парень взял стекло и полоснул себя. С первого раза. Аккуратно. Точно.

Итан ничего не ответил. Посмотрел на тело, кивнул криминалистам:

— Хорошо, заканчивайте здесь.

Он направился к машине, не ускоряя шаг.

Дверь открылась с привычным щелчком. Итан сел за руль, вставил ключ в зажигание, повернул. Двигатель ожил. Дворники смахнули с лобового стекла плёнку воды. Он сидел неподвижно, глядя на двор, на ленту оцепления, на маячки, продолжающие свой бесконечный хоровод. Потом переключил передачу и выехал на дорогу.

Участок находился в десяти километрах — дорога знакомая, он проезжал её уже дважды за эту неделю, но сейчас она казалась длиннее.

Фонари проплывали за окном через равные интервалы, их свет сменялся темнотой, на мгновение погружая салон во мрак. Город спал. Пустые улицы, редкие светофоры, тишина.

Здание участка встретило дежурным светом над крыльцом и запахом кофе, греющегося на плите с вечера. Итан прошёл через турникет, мимо ночного дежурного, даже не

поднявшего головы от монитора.

Его кабинет располагался на втором этаже в конце коридора. Он вошел, включил свет, бросил ключи на стул, снял куртку.

Комната была маленькая, на одного. Стол, стул, компьютер, шкаф для бумаг. На стенах — карта города, календарь и несколько официальных бланков.

Он сел за стол, тронул клавиатуру. Вентиляторы загудели, монитор засветился. Итан ждал, глядя на чёрный экран, где медленно появлялись буквы. Система загрузилась. Открыл стандартную форму для рапортов. Курсор замигал в первой строке.

Но он не мог себя заставить писать. Вместо этого откинулся на спинку стула, потёр лицо ладонями. Закрыв глаза на секунду. Открыл.

Взгляд упал на коробку, стоявшую на углу стола — картонная, невысокая, с надписью «Штерн» на боку. Вещи из старого участка, которые после перевода он так и не разобрал.

Итан подтянул коробку к себе. Сверху — папки, канцелярия, компакт-диски, старый блокнот. Открытка. Он узнал её мгновенно. Отец. Молодой, в рясе. Стоит на фоне церкви. Рядом с ним — другой человек. Моложе. С улыбкой, которая казалась слишком беззаботной для этого места.

Итан перевернул снимок. На обороте — надпись, сделанная отцовским почерком: «Маркус, 1985».

Пальцы наткнулись на пластиковую рамку. Итан замер. Вытащил. Стекло чуть запылилось. В рамке — фотография дочери.

Виктории на фото было двенадцать. Волосы собраны в хвост, на лице — улыбка, которую умела делать только она. Такая, что начинается в глазах, а потом переходит на губы. Он помнил этот день. Парк. Солнце. Мороженое, упавшее на футболку.

Штерн смотрел на фотографию. Всё, что было до этого — тело, рана, осколок, Тальман, дорога в участок — отодвинулось куда-то назад, стало дальним планом. На первом осталась только она.

Итан провёл пальцем по стеклу — там, где было лицо. Что-то внутри сжалось так сильно, что стало трудно дышать. Воспоминания вырвались сами.

Парк в Розенфельде. Скамейка. В руке — холодная бутылка воды. В десяти метрах — детская площадка. Виктория крутилась на карусели. Её смех — звонкий, высокий — он бы отдал всё, чтобы снова его услышать. Итан смотрел на неё, улыбался.

А потом — нарастающий звук. Рёв мотора. Слишком громкий для этого места. Слишком быстрый. Итан повернул голову.

Удар колёс о бордюр — резкий, металлический. Что-то пронеслось сбоку быстрее, чем он успел понять.

Итан сорвался со скамейки, побежал. Но поздно.

Детей разбросало в стороны, как тряпичные куклы. Крики ударили в уши оглушительной, невыносимой волной.

Итан упал на колени перед телом Виктории.

Она не двигалась. Глаза открыты. В них — небо. Он взял её за руку — ещё тёплую. Слёзы побежали сами.

Он прижал её к себе, умолял остаться...

Как выяснилось позже, водителю стало плохо — сердечный приступ. Он не справился с управлением.

Потом были похороны. Чёрные зонты. Дождь — настоящий, холодный, не такой, как сегодня.

Что-то внутри надломилось, заledenело, закрылось на замок. Итан смотрел на гроб, на землю, на лица людей — и ничего не чувствовал. Только тяжёлую, давящую пустоту.

Дома Ханна пыталась до него достучаться, но он не знал, что должен сказать.

— Ты вообще что-нибудь чувствуешь? — спросила она однажды. В голосе не было злости — только бесконечная усталость.

Он поднял на неё глаза. Хотел сказать «да». Хотел закричать. Хотел разбить что-нибудь, разрыдаться, упасть на колени. Ничего не вышло. Просто кивнул.

Ханна ждала. День, неделю, месяц.

Работа стала наркотиком. Он брал все вызовы подряд — ночные, выездные, те, от которых другие отмахивались. В этом месиве чужих смертей его собственная боль становилась просто цифрой в статистике. Перестал есть нормально

— перекусывал на ходу в машине. Спал урывками, прямо в кабинете на старом диване. Похудел. Домой возвращался к ужину — молча, ложился спать. Иногда, уже в глубоком сне, он судорожно прижимал её к себе, словно боялся отпустить.

Однажды она сказала:

— Я так больше не могу, Итан. Ты ходишь, ешь, спишь — но тебя нет. Делаешь вид, словно ничего не случилось.

— Я не знаю, что мне делать...

— Просто скажи, что я тебе ещё хоть капельку нужна! Что ты не хочешь, чтобы я ушла. — Голос дрогнул, сорвался на шёпот. — Дай мне повод остаться...

Итан молчал. Смотрел в стену.

— Я ухожу не потому, что не люблю тебя. Я ухожу, потому что ты превратился в призрака. И я больше не вижу человека, за которого выходила замуж.

Итан открыл рот. Закрыл.

Что он мог сказать? Что внутри всё сгорело? Что каждое утро он просыпается и первые полсекунды не помнит, а потом помнит — и хочет умереть? Что он не плачет, потому что если начнёт — уже не остановится?

Она ушла на следующий день. Дверь хлопнула — звук, который он помнил до сих пор, словно тот застыл в его ушах навечно.

Квартира опустела. Исчезли её вещи, игрушки Виктории, запах духов. Остались только стены, тишина и пистолет.

Итан сидел на краю кровати дочери. Свет не был включён.

Только луна — бледная, равнодушная — пробивалась сквозь щель в шторах. Пистолет лежал в руке.

Не служебный. Итан купил его в оружейном магазине на Ам-Платц. Теперь это было не важно.

Вытащил барабан. Проверил. Вставил обратно. Щелчок металла показался оглушительным в пустой квартире. Палец лёг на спусковой крючок. Он закрыл глаза.

В темноте возникло лицо Виктории. Живое. Она смеялась. Хвостик вечно выбивался и лез в глаза. Мороженое на футболке.

А потом — как Ханна найдёт его. Откроет дверь. Увидит. Он не мог этого допустить.

Палец замер. Не нажал.

Тишина в квартире стала громче.

Итан открыл глаза. Опустил пистолет. Смотрел на оружие — на свой палец на спусковом крючке — минуту, две. Потом разрядил.

Патроны высыпались на покрывало — один за другим. Тяжёлые, холодные.

Он остался сидеть на краю кровати. В темноте. В тишине. Курсор мигал на экране монитора.

Итан моргнул.

Рука лежала на мышке. Фотография Виктории — в рамке, стояла на столе, рядом с клавиатурой. Он не помнил, когда поставил ее туда.

Перевел взгляд на пустой рапорт. Вздохнул и принялся

печатать.

Глава 2

Глава 2

Итана разбудил громкий стук — кто-то долбил по двери кабинета.

— Штерн, ты там? — раздался грубый мужской голос.

Ручку надавили снаружи, но дверь была заперта.

Он открыл глаза. Кабинет заливал утренний свет — он всё ещё сидел за столом, упершись лбом в ладонь.

Резко поднял голову, посмотрел на дверь:

— Да. Иду.

Отодвинул стул, встал, подошел к двери, щелкнул замком. На пороге стоял Франк Хофман, начальник отдела К-1.

— Ты здесь ночевал? — Хофман окинул его взглядом. — Выглядишь как труп.

Итан моргнул, потер заспанное лицо, промолчал.

— Чего закрываешься? — начальник заглянул внутрь, приняхался. Заметил на столе коробку, фотографию дочери, снова посмотрел на Итана. — Жду с докладом, через пять минут.

Итан постоял, глядя в пустой коридор, потом вернулся за стол, плюхнулся в кресло. Ткнул пальцем в клавиатуру — монитор засветился. Вчерашний рапорт так и остался недоделанным.

Через пять минут он постучал в дверь Хофмана.

— Войдите.

Итан перешагнул порог. Хофман стоял у стола, опираясь на край, и читал свежую газету. Мебель — вся в потертостях и царапинах. В углу деревянная вешалка, покрытая матовым лаком, на ней полицейский китель с нашивками. Окно выходило во внутренний двор — серый бетон, мусорные баки. Света ровно столько, чтобы не включать лампу. Ни ковра, ни дипломов на стенах.

— Закрой дверь. — Хофман отложил газету. — Что по Винтеру?

Итан положил перед ним распечатку, кратко пересказал все, что узнал сам.

Хофман пробежал глазами по бумаге.

«Томас Винтер, сорок четыре года. Не женат. Жил один. Работал бухгалтером в маленькой фирме. Ни судимостей, ни приводов».

— И это всё? — он опустил рапорт, посмотрел в упор. Выдержал паузу. — Ты спал в кабинете, Штерн.

Итан молчал.

— Я изучил твоё личное дело. Перевод из Розенфельда. Рекомендации отличные. Но ты выглядишь как...

Хофман не договорил. Бросил дело Винтера себе на стол.

— Ты ходишь к психологу?

— Нет.

— В Розенфельде сказали, ты отказался от всех трёх. Со-
слался на загруженность.

Итан сжал челюсть:

— Я прошёл комиссию перед переводом. В справке «годен». Подпись есть. Пока бумага действует — я могу работать.

Хофман усмехнулся:

— Обхитрил систему. Молодец. Но работа — не терапия.

— Я в порядке.

— Ты спишь в кабинете. Под глазами круги. По-твоему, это порядок? Когда последний раз в зеркало смотрелся? Я знал парней и покрепче тебя — где они теперь?

Итан перевёл взгляд на стену за начальником. Там висела старая фотография военного отряда, приколотая к пробковой доске.

— Я не буду тебя заставлять, — сказал Хофман. — Но если замечу, что всё становится хуже — позвоню в комиссию и добьюсь принудительного отстранения. Понял?

— Понял.

Франк выдержал паузу, достал из кармана мятую пачку сигарет, но не закурил — только покрутил в пальцах.

— Я не хочу, чтобы в мой отдел приехала комиссия из-за того, что у детектива поехала крыша. Разберись со своими тараканами.

Итан кивнул.

— Вот ещё. — Хофман шагнул к столу, открыл ящик, достал три папки, бросил на стол перед Итаном. — Это не первое самоубийство за полгода. Разные жертвы, разный пол,

возраст. Все в нашем районе. Мы как белое пятно на заднице прокурора. Дела закрыты. Улик нет. Убийца — если это убийца — на свободе.

Итан взял верхнюю папку. Открыл. Фото. Тело девушки на спине, в руке кухонный нож.

— Анели, — пробормотал Хофман. — Перерезала вены. Ни улики, ни свидетелей. Нашли родители.

Итан взял другую: «Пенсионер. Утонул в собственной ванной».

— Тальман смотрел эти дела?

— Да. Говорит, всё сомнительно, медицинской логике противоречит. Но доказательств принуждения — ноль. Все закрыли как суициды. Недостаточно улики, свидетелей, всего.

— Хотите, чтобы я их раскрыл?

— Хочу, чтобы ты нашёл то, чего не нашли другие. Ты ведь из отдела по борьбе с организованной преступностью перевёлся?

— Да.

— Ты новенький. У тебя нет шор на эти дела, предубеждений. Может, увидишь то, что местные пропустили. А мне надоело закрывать трупы, которые пахнут убийством.

Итан пролистал папки — лица, даты, протоколы. Всё разное. Никаких зацепок, кроме одного: смерти произошли в одном районе, в радиусе двенадцати километров, на стыке северного и восточного округов.

Закрыв папки, сложил в стопку:

— Займусь сегодня.

— Не сегодня. — Хофман покачал головой. — Прямо сейчас. Винтер — четвёртый. Если это тот же почерк — убийца всё ещё на свободе.

— Я разберусь.

Хофман вышел из-за стола, направился к двери, на пороге задержался:

— К четырём жду нормальный рапорт, а не тот обрывок, что ты не дописал. И займись Винтером как следует. Если это не суицид — найди убийцу.

Первые дни Итан почти не выходил из участка.

Утро вторника начал с обзвона больниц. Трубка нагрелась у уха. Секретарши, медсёстры, регистраторы — их голоса сливались в однотонный гул.

— Томас Винтер? Нет, не обслуживался.

— Такого нет в базе.

— Мы не даём информацию по телефону. Пришлите официальный запрос.

В обед он поехал в офис Винтера — маленькая контора на втором этаже торгового центра. Пахло дешёвым кофе и перегретым принтером. Коллеги — две женщины за сорок и парень с прыщавым лицом, который смотрел на Итана так, будто детективы приходили к ним каждый день.

— Томас? — сказала одна из женщин, поправляя очки. — Хороший был человек. Тихий. Никогда не повышал голос.

— Жаловался на жизнь? Говорил о смерти?

— Нет, что вы. Он смеялся, шутил. Неделю назад принёс торт. Пирог с яблоками. Сам испёк.

— Сам?

— Он любил готовить. Говорил, это его успокаивает.

Парень с прыщами молчал всю беседу. Только когда Итан собрался уходить, буркнул в стол:

— Может, у него женщина была?

— Какая женщина?

— Не знаю. Но последнее время он... ну, улыбался чаще. Будто секрет у него был.

— Имя?

— Не сказал.

— Что-нибудь ещё?

Парень пожал плечами — и уже смотрел в монитор. Разговор был окончен.

Итан записал в блокнот: «возможно, женщина». Других зацепок не было.

Дверь квартиры Винтера была опечатана. Процедура — семь подписей, три согласования и участковый отдал ключи на следующий день после смерти.

Итан открыл дверь. Вошёл.

Тишина. Запах закрытого помещения, старая мебель. В воздухе витал запах чего-то неуловимо сладкого.

Однушка, сорок квадратов. Никаких фотографий. Ни

женщин, ни детей, ни родителей. Провёл пальцем по полке — пыли почти нет. В холодильнике несколько стаканчиков с йогуртом, яйца, масло. В морозилке — замороженные овощи. Ничего примечательного.

Открыл шкаф: джинсы, рубашки, две пары обуви. Безлико, дёшево.

Компьютер — старый ноутбук на кухонном столе. Включил — пароля нет. История браузера: погода, рецепты, редкие новости, несколько ссылок на порносайты. Несколько сообщений на «Ай-Кью». За три дня до смерти сменил статус: «Спокойной ночи».

Итан просматривал файлы до вечера, пока в окнах не стемнело и глаза не заболели.

В телефоне Винтера — то же самое. Несколько контактов: двое коллег, стоматолог, служба такси. Ни одного звонка в ночь смерти. Ни одного сообщения за последние три дня.

Итан сидел в темнеющей комнате, смотрел на ноутбук, на старую мебель.

— Кто ты, Томас? — тихо спросил он самого себя.

В понедельник третьей недели пришёл факс от Тальмана. Итан развернул лист на ходу, прочитал, остановился.

«Токсикологический анализ: этиловый алкоголь (0,3 промилле). Психоактивных веществ и следов длительного приёма лекарств не обнаружено».

Томас Винтер был трезв, когда резал себе горло.

Итан сел за стол, открыл папку с финансами. Запрос из

банк пришёл ещё вчера, но он всё откладывал — надеялся на что-то другое.

Три счета, общая сумма — четырнадцать тысяч евро. Ни крупных переводов, ни долгов, ни кредитов. Винтер платил за квартиру, электричество, интернет. Траты: четыреста евро в месяц на еду, сто на одежду, на развлечения — ничего.

Перепроверил — всё чисто.

Откинулся на спинку стула, потер лицо ладонями. В голове было пусто. Ни единой зацепки.

Человек без врагов, долгов, депрессии, любовницы, наркотиков, тайн. Просто жил. Готовил пироги. Улыбался. А потом взял осколок бутылки и перерезал себе горло. Это не укладывалось в голове.

Он открыл рапорт, посмотрел на мигающий курсор. Добавить было нечего.

В пятницу утром, на исходе четвёртой недели, вызвал Хофман.

Итан зашёл. Начальник стоял у окна, спиной к двери и даже не обернулся.

— Квартиру смотрел?

— Да.

— Нашёл что-то?

— Нет.

— Анализы?

— Чисто.

— Финансы?

— Тоже.

Хофман повернулся — лицо усталое, злое:

— Хочешь сказать, прошёл почти месяц, а у тебя ничего нет?

— Винтер чист. Ни зацепок, ни мотивов, ни следов.

— И поэтому ты решил просто сидеть и ждать?

Итан промолчал. Хофман подошёл ближе.

— Звонили из прокуратуры. — Он сел на край стола. — Два раза. Интересуются, почему самоубийство до сих пор не закрыто. Почему детектив возится с каким-то бухгалтером.

— Скажите им, что есть сомнения.

— Сомнения? — усмехнулся Хофман. — Прокурора не интересуют твои грёбанные сомнения. Ему нужна статистика. А ты приносишь пустую папку с парой предложений.

Итан сжал кулаки:

— Дайте мне ещё время.

— Сколько?

— Не знаю. Пока не найду.

— Мы не можем держать дело открытым вечно. Без улик, свидетелей, мотива. Точка. Понял?

— Понял.

Хофман вздохнул:

— Те три дела, что я дал. Анели, пенсионер и тот парень, что повесился. Все в нашем районе. Либо находи убийцу, либо убеди прокурора, что дело Винтера суицид.

Итан взял папку:

— Я разберусь.

— Да помню, — Хофман махнул рукой. — Ты уже говорил. Иди работай.

Итан вышел, прошёл по коридору, не глядя по сторонам, спустился на улицу. Посмотрел на голубое небо, на асфальт, на прохожих.

Впервые за долгое время он совсем не знал, что делать. Раньше он находил убийц, улики, давил на свидетелей. Здесь — пустота. Человек, у которого не за что зацепиться. Смерть, которую невозможно объяснить.

Через пятнадцать минут он вернулся в участок — перечитывать старые дела.

Вечером Итан собирался уйти пораньше, впервые за неделю. Уже выключил компьютер, когда зазвонил телефон. Дежурный:

— Штерн, подъём. Труп на парковке торгового центра «Вестфильд». Женщина в тачке, похоже, передоз.

Он замер, посмотрел на часы — 21:47.

— Кто вызвал?

— Охрана паркинга.

Итан положил трубку, вышел из-за стола, накинул куртку. По дороге думал о Винтере, о чистых пальцах, о странной ране, о трёх папках на столе — теперь ещё одна.

— Чёрт, — сказал он вслух.

Огромный торговый центр из стекла и бетона подсвечивался редкими фонарями. Парковка на четыреста машин —

пустая, если не считать десятка у дальнего края, где обычно паркуется персонал.

Полицейские лента оцепления. Внутри — серебристый «Фольксваген-Гольф», грязный, невымытый. Водительская дверь открыта.

Итан припарковался, вышел. Ветер тёплый, в воздухе витал запах покрышек и машинного масла.

— Кто старший? — спросил он у полицейского в жилете.

— Лейтенант Бергер.

Итан прошёл под лентой, подошёл к «Гольфу», заглянул внутрь.

Женщина сидела за рулём. Голова наклонена вперёд — подбородок почти касался груди. Ремень безопасности натянулся, не давая телу упасть на руль. Глаза закрыты. Лицо бледное, с синеватым отливом. Тёмные волосы разметались по воротнику.

На коленях стояла раскрытая сумочка, сверху помада, зеркальце, чеки. На полу под сиденьем — пустая пластиковая упаковка. Итан надел перчатки, взял упаковку: «Дела-гил». Седативное, рецептурное.

— Кто обнаружил? — спросил у Бергера — коренастого мужчины с красным лицом и усами.

— Водитель. Подъехал, увидел женщину без сознания, постучал в стекло — не реагирует. Сообщил охране.

— Скорая была?

Бергер кивнул:

— Приехали через десять минут. Констатировали смерть, вызвали нас и уехали.

— Дверь открывали вы?

— Нет, врачи.

Итан кивнул, отступил, оценивая картину.

Женщина выглядела спокойной. Слишком спокойной. Руки на коленях, пальцы расслаблены. Плащ застёгнут на все пуговицы. Обувь — чистые туфли на низком каблуке.

«Кто так умирает?» — подумал он. — Кто перед смертью застёгивает плащ? Кто кладёт сумочку на колени ровно, а не роняет на пол?

— Личность установили?

— Да. Права были в сумочке. Сандра Ланг, сорок один год. Проживает в Альтенштайне, северный округ.

— Близкие?

— Сестра должна приехать.

Итан выпрямился, отошёл, достал телефон — сфотографировал машину, номер, упаковку, лицо. Убрал телефон:

— Тальман едет?

— Будет через пять минут.

Его отвлёк стук каблуков и громкий голос со стороны оцепления:

— Господин детектив!

Итан обернулся. За жёлтой лентой стояла молодая женщина с микрофоном, рядом оператор с камерой. На бейдже: «Альтенштайн Цайтунг».

— Правда, что на парковке обнаружено тело? Очередное самоубийство в восточном округе? Это уже вторая смерть за два месяца? Они связаны?

Итан повернулся к Бергеру:

— Откуда они узнали?

— Похоже, кто-то позвонил в газету до нашего приезда.

— Герр комиссар! — женщина с микрофоном шагнула к ленте. — Смерть этой женщины связана с делом Томаса Винтера?

Итан подошёл к ограждению. Репортёрша не отступила, глаза горели азартом, улыбка была слишком профессиональной, чтобы быть искренней.

— Прошу, — сказал он ровно, без повышения. — Отойдите за линию. Расследование не завершено. Заявления будут позже.

— Но вы не отрицаете, что это может быть серия? Какие улики? Вы нашли что-то?

Итан шагнул вперёд, сократил дистанцию, посмотрел ей в глаза:

— Детектив Штерн. Без комментариев. Отойдите за ленту и уберите камеру. Если не прекратите — оформлю протокол. Вопросы позже. — Он чуть наклонил голову. — Ваше имя?

Женщина замялась:

— Ханна Вайс.

— Запомню. А сейчас отойдите и попросите оператора убрать камеру. Съёмка места происшествия без разрешения

— нарушение.

Вайс открыла рот, но Итан уже развернулся и пошёл обратно.

Подошёл к «Гольфу». Бергер усмехнулся:

— Ты их только раззадоришь, Штерн. Будут на хвосте сидеть неделю.

— Пусть сидят.

Он обошёл машину — ни царапин, ни следов взлома. Чисто. В багажнике — пакет с продуктами: хлеб, молоко, яйца, вода. Знак аварийной остановки, старая тряпка. В бардачке — салфетки, под ними потеряя книга в мягкой обложке. «Путеводитель по Конго. 2022». На полях — пометки ручкой, аккуратные, женские: «Здесь попробовать фуфу», «Купить крем от moskitov». Пролистал — на последней странице фотография: Сандра с друзьями в ресторане, смеётся. Все счастливы. Закрыв, положил обратно.

Телефон в бардовом чехле лежал на соседнем кресле. Итан взял его, но разблокировать не смог.

— Записи с камер есть? — спросил у Бергера.

— Да, но копию без ордера не отдают.

— Покажите, что есть.

Они зашли в помещение охраны. На мониторе — дергающая чёрно-белая картинка с низким разрешением. Машина Сандры Ланг въехала в 19:14. Одна. Женщина вышла, пошла в центр. В 20:31 вернулась с пакетом продуктов. Села за руль — и больше не выходила до приезда полиции.

Подъехал Тальман. Не спеша вылез из своей «Шкоды» с эмблемой судмедслужбы. Посмотрел на «Гольф», на Итана, на полицейских у будки охранника:

— Опять ты, Штерн.

— Опять я.

— Не везёт тебе на спокойные ночи.

Подошёл к машине, заглянул внутрь, посвистел сквозь зубы:

— Красивая женщина. Жалко.

Надел перчатки, открыл дверь шире, наклонился. Проверил зрачки фонариком, заглянул в рот, поднял упаковку от таблеток.

— Рвотных масс нет, — выпрямился. — При большой дозе препарата дыхание просто останавливается. Умерла от гипоксии. Без мучений, если это утешает.

— Суицид?

— Предварительно — да. Но ты же знаешь — предварительно всегда «да».

— Но почему здесь? — сказал Итан себе под нос. — Почему не дома? Зачем ехать на парковку, глотать таблетки и умирать в машине?

— Может, не хотела, чтобы дома нашли?

— Может, — согласился Итан, но в голосе сомнений было больше, чем уверенности.

Тальман уехал. Тело забрали. Полицейские разошлись оформлять документы. Остались два криминалиста — соби-

рали отпечатки, фотографировали, замеряли, упаковывали вещи.

Итан прошёлся по пустой парковке.

«Почему здесь?» — повторил он про себя.

Время перевалило за полночь. Он сел в машину, выехал с парковки, но не сразу взял курс на участок. Просто ехал без цели. Светофоры мигали жёлтым. Перекрёсток за перекрёстком — ни одной машины. Только он и пустые улицы.

Итан сбросил скорость. Проехал мимо круглосуточной аптеки — витрина светилась неоновом-зелёным, внутри ни души. Мимо закрытого кафе с поднятыми стульями. Мимо автобусной остановки. Ехал медленно — не потому, что спешить было некуда, а потому что в голове крутилась одна и та же мысль, как заевшая пластинка.

Пять смертей. Разные способы. Один район.

Сжал руль:

— Связь должна быть. Должна.

Но её не было.

Свернул на набережную. Фонари отражались в воде — длинные, искажённые, они тянулись к противоположному берегу и обрывались в темноте. Итан остановил машину на середине моста, заглушил двигатель, вышел. Посмотрел вниз. Вода не двигалась — казалось, она не течёт, а просто стоит на месте, тяжёлая, чёрная.

Вдруг нахлынули воспоминания. Яркие, давящие. Когда Итан стоял посреди комнаты отца. Дома было пусто с тех

пор, как его увезли в больницу.

Вспомнил, как подошёл к столу. Открыл ящик. Сверху лежали старые проповеди, исписанные мелким, нервным почерком. Под ними — Библия. Не та, которую отец использовал в церкви. Другая. Старая, с потёртой кожаной обложкой, без застёжек.

Итан открыл её. Страницы были исписаны карандашом, а на некоторых из них были рисунки. Отец водил по бумаге с такой силой, что она прорывалась насквозь.

Воронки. Чёрные, закручивающиеся спирали, уходящие в бесконечность. Круги, пересекающиеся под странными углами. Иероглифы, которых Итан не узнавал. А на последней странице — лицо. Не человеческое. Глаза — два чёрных провала.

Итан достал телефон — ни пропущенных, ни сообщений. Сунул обратно. Взглянул на город, на машину, на безлюдные улицы. На одном из зданий висела огромная неоновая вывеска «Виклер и сыновья». Альтенштайн в этот час выглядел как одна большая декорация, которую забыли убрать, и теперь она стояла пустая, бессмысленная, подсвеченная редкими фонарями.

Глава 3

Глава 3

Перед участком он заглушил двигатель, минуту посидел, глядя на тусклый свет над крыльцом. Вышел, хлопнул дверью.

Дежурный поднял голову от монитора:

— Тяжёлая ночь?

— Такая же, как все.

Итан прошёл по коридору, поднялся на второй этаж, зашёл в кабинет, не включая свет. Сел за стол. Окно выходило во двор — фонарь за стеклом отбрасывал на стену жёлтый прямоугольник. Посидел в темноте, вытащил блокнот, открыл на чистой странице. Написал: «Сандра Ланг. Парковка. Делагил. 21:47». Закрыл.

В голове пусто — мысли приходили, но тут же ускользали, как песок сквозь пальцы.

Итан лёг прямо на куртку, подложив руку под голову. Уснул почти сразу, провалившись в бесконечную, без сновидений, темноту.

Утром солнце било в лицо через открытые жалюзи. Итан моргнул, сел. Шея затекла, спина болела. Часы показывали 07:03.

С трудом поднявшись, он вышел в коридор, прошёл в туалет в конце этажа. Сунул голову под холодную воду, держал

так минуту, пока дремота не отступила. Вытер лицо бумажными полотенцами, посмотрел в зеркало — под глазами синева, взгляд тяжёлый.

На кухне нашёл турку, насыпал кофе на глаз, залил водой. Пока закипало, смотрел на пузырьки, поднимающиеся со дна. Запах горечи разнесся по маленькой комнате, смешиваясь с запахом хлорки и мыла.

Кофе получился крепким. Итан сделал два глотка, обжёг нёбо, поставил кружку на стол.

В коридоре слышались шаги. В проходе показался дежурный:

— Господин Штерн, Хофман звонил. Сказал, будет к обе-
ду — совещание в управлении. Просил подготовить отчёт по
делу Сандры Ланг.

— Спасибо.

Дежурный ушёл. Итан допил кофе, сполоснул кружку, вернулся в кабинет. Открыл чистый бланк рапорта, напечатал несколько предложений, остановился, перечитал.

«Сандра Ланг, 41 год. Обнаружена в 21:47 на парковке
ТЦ «Вестфильд». Предварительная причина смерти — оста-
новка дыхания вследствие передозировки препаратом «Де-
лагил». Время смерти — ориентировочно 20:35–21:00. Те-
лесных повреждений нет. Следов борьбы нет».

Откинулся на спинку стула, потёр переносицу. Наклонил-
ся к экрану, чтобы продолжить, но в углу монитора всплыло
окно:

«Входящий файл: ВИДЕО_ВЕСТФИЛЬД_ПАРКОВКА. 6 файлов. 847 МБ».

Кликнул — пошла загрузка.

— Ну давай, — тихо сказал он, глядя на ползунок. — Удиви меня.

Архив загрузился. Итан открыл первый файл — камера на входе в торговый центр. Сандра Ланг появляется в 19:14 и в 20:31 — то же самое, что он видел вчера. Закрыл.

Второй — общий план парковки. Серебристый «Гольф», пустой ряд, редкие машины. Прокрутил до 20:31. Сандра с пакетами, кладёт в багажник, садится, загораются фары. И ничего.

Третий файл. Он уже хотел закрыть — та же парковка, другой угол. Но что-то заставило включить воспроизведение. Камера снимала внешний периметр — металлический забор, вдоль которого тянулась вытоптанная тропа.

20:31 — пусто.

Проматывал вперёд: 20:32, 20:33.

На 20:33 замер.

В дальнем углу кадра, у бетонного столба, возник силуэт.

Изображение зернистое, пиксельное, но фигура различима. Девушка, невысокая, в тёмной худи с накинутым капюшоном. Лица не разобрать — только бледный овал и намёк на подбородок. Руки в карманах. Итан перевёл взгляд на таймкод. 20:33 — Сандра уже сидела в машине, фары горели.

Вдруг девушка остановилась, посмотрела по сторонам, затем в сторону парковки. Даже сквозь зернистость видно было видно, что она смотрела именно туда, не просто в камеру, не в пустоту, а точно на машину.

Итан открыл несколько окон с видео, перемотал на одно время. Девушка стояла не больше минуты, потом оглянулась резко, будто испугалась, снова взглянула в сторону парковки и быстрым шагом пошла прочь. Скрылась за краем кадра в 20:34.

Нажал паузу. Сердце билось чаще. Прокрутил ещё раз, потом ещё, на медленном воспроизведении.

«Она точно что-то видела».

Распечатал несколько стоп-кадров, открыл блокнот, написал: «Худи, тёмная. Невысокая. Была у парковки в 20:33–20:34. Смотрела в сторону машины. Возможно, видела убийцу. Скрылась». Добавил одно слово, подчеркнув дважды: «СВИДЕТЕЛЬ?»

Хофман вернулся к обеду. В коридоре раздался хриплый, раздражённый голос. Он что-то выговаривал дежурному. Потом дверь кабинета начальника хлопнула.

Итан подождал пять минут, взял распечатки, флешку и постучал.

— Войдите.

Хофман сидел за столом, перед ним бумажный стакан с кофе. Китель расстёгнут, галстук ослаблен. Поднял глаза:

— Надеюсь, ты по делу.

— Кое-что есть. — Итан разложил распечатки.

Хофман взял листы, посмотрел на зернистые чёрно-белые кадры — фигура в капюшоне, столб, пустая парковка.

— Что это?

— Периметр «Вестфильда». Девушка появилась в 20:33 — когда Ланг уже сидела в машине.

— Она что-то сделала?

— Не знаю. Но она стояла и смотрела в сторону парковки, потом оглянулась и ушла.

Хофман приблизил фото к глазам, помолчал:

— Лица не видно.

— Поэтому я и пришёл. Нужен техотдел — пусть попробуют восстановить изображение. Других камер на этом участке нет.

Хофман посмотрел в упор, потом перевёл взгляд на стаканчик:

— Думаешь, она что-то видела?

— Думаю, это единственная зацепка.

Хофман выдохнул, откинулся:

— Хорошо. Подключай техотдел. Но если ничего не найдут — закрываешь дело Ланг как суицид и переключаешься на старые. Понял?

— Понял.

— Иди.

Отдел технического обеспечения ютился в подвале. Узкая лестница со свежей краской на перилах. Пахло спёртым

воздухом, перегретой электроникой и старыми журналами. Итан толкнул дверь. Отдел технического обеспечения занимал три комнаты. На полу стояли — ряды серверов, гудели вентиляторы. Во второй — мониторы, на которых крутились записи с камер по всему городу. За одним из них сидел лысоватый мужчина лет пятидесяти в очках с толстыми линзами. На бейдже: «Мюллер, старший эксперт». Рядом — молодая женщина, что-то печатала, глядя в экран.

— Чем обязан?

— Мне нужна помощь с видео, — сказал Итан, протягивая флешку. — Запись, 20:33, камера периметра. Девушка в капюшоне.

Мюллер воткнул флешку, открыл файл, пролистал до тайм-кода, приблизил:

— Качество — дно. Ещё и сжатие убило детали.

— Сможешь улучшить?

— Попробую. Чуда не обещаю. Что хочешь увидеть?

— Лицо.

Мюллер вздохнул, ткнул в экран:

— Вот это, по-твоему, лицо?

— Попытайся.

Итан сел на свободный стул.

Мюллер работал молча: открывал утилиты, запускал фильтры, крутил ползунки, иногда останавливался, вглядывался, снова крутил. Выходил покурить. Через час сказал:

— Вот. Смотри.

На экране — размытый овал, будто сквозь мутное стекло. Но кое-что различимо: светлые волосы выбиваются из-под капюшона, пряди падают на лоб.

— Это всё?

— Это всё. Капюшон слишком глубокий. Я могу вытянуть ещё, но ничего не изменится. Даже если она твоя мать — ты её не узнаешь.

Итан забрал распечатку.

— Спасибо.

— Не за что. — Мюллер уже переключился на другой файл. — В следующий раз приноси нормальное видео, — бросил он вслед Итану.

В тот же день Итан поехал на парковку «Вестфильда». Вечером она выглядела иначе: солнце отражалось от асфальта, слепило. Машину Сандры уже забрали, осталась только белая разметка.

Он прошёл к ограждению, где камера зафиксировала девушку. Повернулся лицом к парковке. Между парковкой и забором выступал холм. Подпрыгнул — видно только первый ряд машин, ближний к выезду. «Гольф» стоял в дальнем углу, за двумя рядами. «Отсюда она бы машину не заметила».

Прошёл по тропе в одну сторону, в другую. Дорожка вела к служебному входу, с другой стороны упиралась в железные ворота с табличкой «Посторонним вход воспрещён». Слева — мусорные баки, справа — глухая стена. На обратном пути

взгляд зацепился за окурок. Надел перчатки, поднял, положил в пакет, набрал номер лаборатории.

— Это Штерн. У меня есть образец ДНК. Возможный свидетель. Поставьте в приоритет.

— Это вне очереди, господин детектив.

— Я знаю. Но это срочно.

Скинул вызов. Достал распечатку, посмотрел на размытое лицо, потом снова на парковку.

— Ты не могла её видеть, — сказал он вслух. — Чего же испугалась?

Итан вернулся на парковку, направился к охране. За столиком сидел грузный мужчина с усами, в форменной рубашке.

— Здравствуйте. — Итан показал удостоверение. — Я на счёт вчерашнего.

Охранник кивнул без энтузиазма.

— Сегодня получил запись с камер. Там была девушка, примерно в 20:33. Вы её не заметили?

Охранник нахмурился:

— Какая девушка?

— В темной худи с капюшоном.

— Нет, не моя смена была.

Итан достал распечатку:

— Эту девушку нигде не встречали?

Охранник посмотрел, покачал головой:

— Нет. Не узнаю. Простите, ничем не могу помочь.

Итан убрал распечатку, вышел. Солнце садилось, парковка заполнялась вечерними машинами, люди шли с пакетами, садились, разъезжались кто куда.

Утром следующего дня он взял адрес из рапорта. Сестра Сандры Ланг жила в восточном округе.

Дом — старая довоенная постройка, штукатурка кое-где облупилась. Подъезд пах кошками и старыми коврами. Квартира находилась на третьем этаже.

Он позвонил, дверь открыла женщина лет сорока пяти, в чёрном свитере и спортивных штанах. Глаза красные, волосы собраны в небрежный пучок.

— Марина Ланг? — спросил Итан. — Детектив Штерн. Веду дело о смерти вашей сестры.

Она посмотрела на удостоверение, молча отошла в сторону, пропуская:

— Проходите, — сказала она еле слышно.

В гостиной стояли диван, два кресла, журнальный столик, заставленный тарелками с недоеденной едой. На телевизоре — застывший стоп-кадр сериала. Марина села в кресло, обхватила себя за плечи.

Итан сел напротив:

— Марина, расскажите о своей сестре.

Она выдохнула, помолчала, собираясь с силами:

— Сандра не была... — запнулась. Потом сказала твёрже: — Она не была склонна к самоубийству. Никогда. Я бы зна-

ла.

— Почему вы так уверены?

— Потому что она планировала поездку. Была счастлива.

— Марина взяла салфетку, промокнула глаза. — Готовилась к путешествию, копила деньги.

— Куда?

— В Конго. Всегда мечтала увидеть джунгли. С детства.

Итан записал:

— Когда вылет?

— Через три недели. У неё уже был билет.

— Говорила о ком-то новом в её жизни? Друг, коллега, знакомый?

Марина покачала головой:

— Нет. Сандра была одна. После развода два года назад ни с кем не встречалась. Хотела побыть одна, разобраться в себе. А потом поездка...

— Её бывший муж знает?

— Да, я звонила ему.

— Где он живет?

— В Австрии. Переехал год назад.

— Заметили что-то странное перед смертью? Звонки, встречи?

— Нет. Всё как обычно. Она мне звонила за два дня до...

— голос сорвался. — Мы говорили, что ей нужно купить новый рюкзак. Старый порвался. Она смеялась.

Итан помолчал, давая время, потом спросил:

— У вашей сестры были таблетки «Делагил». Вы знали?
Марина кивнула:

— Да. Она сказала. Боялась заболеть малярией.

— Знаете, где она их взяла?

— Она ходила в частную клинику «Дас клиникум», кажется.

Итан записал:

— Спасибо. Я выясню, что случилось.

Уже у двери Марина окликнула:

— Детектив.

— Да?

— Она не могла себя убить. Я знаю сестру. Кто-то... — голос сорвался. — Кто-то сделал это с ней.

Итан кивнул и вышел.

Частная клиника оказалась двухэтажным зданием из белого кирпича. Внутри пахло антисептиком и хлоркой. За зеркальной стойкой сидела девушка в идеально отглаженной форме.

— Мне нужен врач, выписавший рецепт Сандре Ланг на «Делагил». Примерно три недели назад. — Показал удостоверение.

Девушка порылась в компьютере:

— Доктор Бергман. Кажется, он принимает сейчас. Подождите, я спрошу.

Через пять минут Итана проводили на второй этаж. Доктор Бергман оказался мужчиной под шестьдесят, с аккурат-

ной седой стрижкой и дорогими очками в тонкой оправе. Кабинет просторный: кожаный диван, картины на стенах.

— Детектив, — сказал он, поднимаясь. — Чем могу помочь?

— Сандра Ланг была вашей пациенткой?

— Да. Приходила три недели назад на консультацию перед поездкой. — Присаживайтесь. — Бергман указал на диванчик возле стены.

Итан сел.

— Вы выписали «Делагил»?

— Совершенно верно. Сандра собиралась в Конго, а там эндемичная зона. Я выписал стандартную схему: тридцать таблеток, по две в неделю, начиная за две недели до вылета.

— Она принимала их правильно?

— Насколько мне известно, да. На момент визита была здорова, противопоказаний не было. ЭКГ в норме, печень в порядке.

— А передозировка — насколько реальна?

Доктор поморщил лоб.

— Да, почему вы спрашиваете?

— Сандру Ланг нашли мертвой в собственном автомобиле.

Бергман снял очки, протёр:

— Хлорохин в больших дозах токсичен — дыхание останавливается. Но чтобы получить смертельную дозу, нужно принять сразу десять-пятнадцать таблеток. А это очень

неприятно: тошнота, рвота, судороги. Мучительная смерть.

Итан вспомнил Сандру в машине: спокойное лицо, ослабленные пальцы, застёгнутый плащ.

— Вы кому-нибудь ещё говорили о её поездке? Коллегам, медсёстрам?

Бергман покачал головой:

— Нет. Врачебная тайна. Пришла и ушла. Больше никто не знал.

Итан поблагодарил. У выхода достал телефон, написал Тальману: «Результаты вскрытия готовы?»

Ответ пришёл через пять минут: «Да. Чисто. Приезжайте завтра — заберёте полный анализ».

Итан вернулся в участок. Открыл ноутбук Сандры Ланг — накануне полученный из тех отдела Мюллера. На почте — файл «Билет_Киншаса.pdf».

Открыл. Электронный билет. Авиакомпания «Эфиопские авиалинии»: Альтенштайн — Аддис-Абеба — Киншаса. Вылет через двадцать два дня после смерти, обратный — через пять. Имя — Сандра Ланг. Внизу пометка: «Окно у прохода, диета вегетарианская».

Перечитал несколько раз, потом открыл ящик, достал папку Винтера. Сравнил: Томас Винтер — никаких планов, билетов, ничего. Тихая, незаметная жизнь. Сандра Ланг — мечта, поездка, будущее.

Закрыв папки, откинулся на спинку стула. Две смерти. Один район. Никакой связи.

Глава 4

Глава 4

Итан добрался до морга только к вечеру. На столе лежала папка с надписью «Ланг С.». Тальман пододвинул её к нему: — Читай.

Он открыл. Вскрытие:

«Телесных повреждений нет. Следов инъекций нет. Следов борьбы нет. Рвотных масс нет. Содержимое желудка: частично растворённые таблетки «Делагил» (хлорохин) в количестве, соответствующем примерно тридцати таблеткам. Признаков асфиксии нет. Смерть наступила от острой дыхательной недостаточности, вызванной токсическим действием хлорохина».

— Она не боролась, — сказал Итан, не поднимая головы.

— Нет.

— Чёрт. Она же не могла быть без сознания, когда таблетки попали в желудок.

Итан закрыл папку, посмотрел на Тальмана:

— Ты веришь в самоубийство?

Старый судмедэксперт снял очки, устало потёр переносицу:

— Я верю фактам, а они указывают на самоубийство.

Когда Итан вышел из морга, солнце клонилось к закату. Он сел в машину, завёл двигатель и поехал домой. По пути

свернул к супермаркету — холодильник пустовал, всё было некогда, всё не до того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.